

Барыня — эпизод 4 из 8

Только... только помянешь эту плеть!

Ладно. Стращай. Поговори ты мне еще!

Хорошо... Пойду...

Степан перестал реветь, повернулся на живот и заплакал тише.

Плечами задергал! Расхныкался! Ревь больше! Завтра пораньше пойдешь. За месяц вперед возьми. Да и за четыре дня, что прослужил, возьми. Твоей же кобыле на платок сгодится. А за плеть не серчай. Отец я... Хочу бью, хочу милую. Так-то-ся... Спи!

Максим погладил бороду и повернул к избе. Степану показалось, что Максим, вошедши в избу, сказал: Отодрал! Послышался смех Семена.

В избе отца Григория жалобно заиграл расстроенный фортепиано: в девятом часу поповна обыкновенно занималась музыкой. По деревне понеслись тихие странные звуки. Степан встал, перелез через плетень и пошел вдоль по улице. Он шел к реке. Река блестела, как ртуть, и отражала в себе небо с луной и со звездами. Тишина царила кругом гробовая. Ничто не шевелилось. Лишь изредка вскрикивал сверчок... Степан сел на берегу, над самой водой, и подпер голову кулаком. Мрачные думы, сменяя одна другую, закопошились в его голове.

На другой стороне реки высились высокие, стройные тополи, окружавшие барский сад. Сквозь деревья просвечивал огонек из барского окна. Барыня, должно быть, не спала. Думал Степан, сидя на берегу, до тех пор, пока ласточки не залетали над рекой. Он поднялся, когда уже светилась в реке не луна, а взошедшее солнце. Поднявшись, он умылся, помолился на восток и быстро, решительным шагом зашагал вдоль берега к броду. Перешедши неглубокий брод, он направился к барскому двору...

Степан пришел? спросила, проснувшись на другой день, Елена Егоровна.

Пришел! отвечала горничная.

Стрелкова улыбнулась.

А-а-а... Хорошо. Где он теперь?

На конюшне.

Барыня вскочила с кровати, быстро оделась и пошла в столовую пить кофе.

Стрелкова была на вид еще молода, моложе своих лет. Только глаза одни выдавали, что она успела уже прожить большую часть бабьего века, что ей уже за тридцать. Глаза у нее карие, глубокие, недоверчивые, скорей мужские, чем женские. Красива она не была, но нравиться могла. Лицо было полное, симпатичное, здоровое, а шея, о которой говорил Семен, и бюст были

великолепны. Если бы Семен знал цену красивым ножкам и ручкам, то он, наверное, не молчал бы и о ножках и ручках помещицы. Одета она была во всё простенькое, легкое, летнее. Прическа самая незатейливая. Стрелкова была ленива и не любила возиться с туалетом. Имение, в котором она жила, принадлежало ее брату холостяку, который жил в Петербурге и очень редко думал о своем имении. Жила она в нем с тех пор, как разошлась с мужем. Муж ее, полковник Стрелков, очень порядочный человек, жил тоже в Петербурге и думал о своей жене менее, чем ее брат о своем имении. Она разошлась с мужем, не проживши с ним и года. Она изменила ему на двадцатый день после свадьбы.

Севши пить кофе, Стрелкова приказала позвать Степана. Степан явился и стал у двери. Он был бледен, не причесан и глядел, как глядит пойманный волк: зло и мрачно. Барыня взглянула на него и слегка покраснела.

Здравствуй, Степан! сказала она, наливая себе кофе. Скажи, пожалуйста, что это ты за фокусы строишь? С какой стати ты ушел! Пожил четыре дня и ушел! Ушел не спросясь. Ты должен был спроситься!

Я спрашивался, промышчал Степан.

У кого ты спрашивался?

У Феликса Адамыча.

Стрелкова помолчала и спросила:

Ты рассердился, что ли? Степан, отвечай! Я спрашиваю! Ты рассердился? Ежели бы им не говорили таких слов, то я не ушел бы. Я для лошадей поставлен, а не для...

Об этом не будем говорить... Ты меня не понял, вот и всё. Сердиться не следует. Я ничего не сказала такого особенного. А если и сказала что-нибудь такое, что ты находишь для себя обидным, то ты... то ты... Ведь я все-таки... Я имею право и сказать лишнее... Гм... Я тебе прибавляю жалованья. Надеюсь, что у нас с тобой теперь недоразумений никаких не будет.

Степан повернулся и шагнул назад.

Постой, постой! остановила его Стрелкова. Я еще не всё сказала. Вот что, Степан... У меня есть новая кучерская одежда. Возьмешь ее и наденешь, а та, что на тебе, никуда не годится. Одежда у меня есть красивая. Я пришлю тебе ее с Федором.

Слушаю.

Какое у тебя лицо... Всё еще дуешься? Неужто так обидно? Ну, полно... Я ведь ничего... У меня тебе хорошо будет жить...